УДК 130.2:316.454.3

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МЕТАФОРА: ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС

Истамгалин Рамиль Сафиевич,
Уфимский государственный нефтяной технический университет, профессор кафедры философии, доктор философских наук, г. Уфа, Россия.
E-mail: Filosofiya80@mail.ru

Исеев Дамир Русланович,
Уфимский государственный нефтяной технический университет, доцент кафедры философии, кандидат юридических наук, г. Уфа, Россия.
E-mail: Filosofiya80@mail.ru

Аннотация
Проблема коллективной идентичности на национальном и цивилизационном уровнях, актуализированная культурными последствиями глобализации, в ряде работ зарубежных авторов (Л. Вульф, И. Нойманн, Э. Саид) была рассмотрена с точки зрения роли, которую в формировании европейской идентичности сыграло противопоставление «Запад»/«Восток». В статье, базирующейся на философском понимании коллективной идентичности как метафоры, показываются гносеологические ограниченности подхода, использующего данное противопоставление и опирающегося на ограниченный круг нарративных источников. Применяя методы нарративной логики Ф. Анкерсмита, позволяющие рассматривать сами нарративы в качестве метафор, авторы статьи аргументируют философскую позицию относительно способов исследования любых форм коллективной идентичности. Она заключается в признании приоритета в таких исследованиях изучения реальной социальной деятельности, в ходе которой субъекты идентичности (индивиды) выявляют свои подлинные верования, ценности, убеждения и установки, объединяющие их в единое социальное целое, лишь метафорически представимое в виде национальной, цивилизационной и иной коллективной идентичности.

Ключевые понятия:
идентичность, «Другой», «Запад», «Восток», метафора, нарратив, деятельность.

Среди проблем, выдвинувшихся в социальной науке последних десятилетий на первый план, заметное место заняла проблема индивидуальной и коллективной идентичности, которой к настоящему времени посвящено уже немало публикаций социологов, политологов, психологов и представителей иных отраслей социального знания как российских [4; 5; 7; 8; 10–13; 17], так и зарубежных [23-27].

Смещение акцента в изучении идентичности с индивидуального на коллективный уровень в значительной мере оказалось связано с теми последствиями, которыми сопровождается процесс глобализации. «Размывание традиционных паттернов идентичности, провоцируемое процессами глобализации, – отмечается, например, в отечественной литературе, – вызывает разнонаправленные ориентиры идентификационных процессов» [15, с. 50], важнейшим компонентом которых становится «активизация устремлений многочисленных периферийных регионов реализовать притязания на культурную и цивилизационную самобытность» [20, с. 43].

Анализируя различные способы отстаивания национальной идентичности, которыми многие общества незападного мира стараются остановить волну культурной унификации, продуцируемую глобализацией, социальная наука вновь и вновь обращается к проблеме того, как возникает и каким образом формируется коллективная идентичность. Значительное распространение среди исследователей получило применение к коллективному уровню известного из психологии способа личностной идентификации посредством сравнения «Я»/«Другой», при котором индивид идентифицирует себя в окружающем мире, используя в качестве своеобразных отражающих его «зеркал» множество «других» (индивидов).

Перенос такого подхода на коллективный уровень привёл к появлению концепции «Мы»/«Они» или «Мы»/«Другие», утверждающей, что решающую роль в формировании представлений какого-либо сообщества о самом себе играет его сопоставление по тем или иным критериям с другими сообществами. В последнее время зарубежными исследователями был создан ряд работ, в которых такой подход был применён к изучению формирования национальной и цивилизационной идентичности [6; 18; 19].

Концепция «Мы»/«Другие» была в них конкретизирована как «Запад»/«Восток»

(«Европа»/«Азия»), в которой «Запад» ассоциировался с Западной Европой, а «Восток» включал практически весь остальной мир, но, прежде всего, восточную часть Евразийского континента, непосредственно граничившую с западноевропейским регионом. Обобщения, сделанные авторами этих работ, претендовали на объяснение не только самого процесса формирования национальной (цивилизационной) идентичности, но и того влияния, которое это оказывало в прошлом и продолжает оказывать в настоящем на политическую сферу внутри общества и на международной арене.

Нам представляется, что, как и многие другие концептуальные новации, возникшие и получившие распространение на волне постмодернизма, объяснение коллективной идентичности через дихотомию «Мы»/«Другие» нуждается в философской критике, позволяющей оценить, например, реальный потенциал использования такого видения национальной идентичности в практической политике, тем более во внешней политике.

В настоящей статье, рассматривающей в философском дискурсе обоснованность концептуальных построений, выводящих европейскую идентичность из дихотомии «Запад»/«Восток», аргументируется точка зрения, что метафоричность самой категории «коллективная идентичность» диктует необходимость поверки её обоснованности не столько нарративами, повествующими о своеобразии «Запада» или «Востока», сколько анализом реальных социальных действий, совершаемых конкретными носителями «западности» или «восточности».

Авторы выше указанных работ, Л. Вульф, И. Нойманн, Э. Саид, двигаясь в исходно принятых ими координатах определения национальной (цивилизационной) идентичности через дихотомию «Запад»/«Восток», доказывают, что в основе *конструирования* такой идентичности лежал принцип противопоставления культурных черт, свойственных (по мнению самих европейцев) «Востоку», тем чертам, которые присущи «Западу» (отождествляемого, по сути, с Западной Европой).

Термин «конструирование» использован здесь нами не случайно, поскольку в ракурсе философского дискурса коллективная идентичность представляет собой не что иное как «интеллектуальную конструкцию». «В строгом смысле слова, – фиксирует эту ситуацию В. С. Малахов, – идентичность может быть атрибутирована только индивидами, поскольку только индивиды обладают качеством субъектности и, соответственно, способны относить или не относить к себе определённые значения. Приписывать идентичность группам позволительно лишь в переносном, метафорическом смысле» [16, с. 78].

Конструктивизм коллективной идентичности как одно из проявлений «социального конструирования реальности» (П. Бергер и Т. Лукман [3, с. 279–280]) прямо проистекает из отсутствия у коллектива собственного *коллективного сознания*. Наличие у индивида сознания служит основанием для его саморефлексии, следовательно, следуя аналогии, надо постулировать, что источником саморефлексии коллектива (нации, цивилизации) должно быть именно коллективное сознание.

Но даже мыслитель, благодаря которому последнее понятие вошло в научный лексикон, – Эмиль Дюркгейм, – признавал, что коллективное сознание «не имеет в качестве субстрата единственный орган; оно, по определению, рассеяно во всём пространстве общества ... и осуществляется только в индивидах» [9, с. 80].

Признание «нематериальности» коллективного сознания делает заведомо иллюзорным представление о коллективной идентичности как продукте коллективной саморефлексии. Этот факт в нефилософских работах либо обходится молчанием, либо авторы прямо признают, как, например, известный немецкий культуролог Я. Ассман, условный характер всей конструкции. Коллективная идентичность, указывает этот учёный, в отличие от индивидуальной «не опирается на естественную явственность телесного субстрата. Явственность коллективной идентичности – исключительно символического характера. «Социальное тело» нельзя не увидеть, не потрогать. Оно представляет собой метафору, мнимую величину, социальную конструкцию» [2, с. 141].

Метафоричность коллективной идентичности отражает в целом присущую человеческому сознанию и психике способность руководствоваться метафорами в своей деятельности, используя их как инструмент анализа социальной действительности. Так, например, Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что «мы определяем реальность на языке метафор, а затем начинаем действовать в соответствии с

ними. Мы выводим следствия, определяем цели, принимаем обязательства, реализуем планы – и все это на основе частичного структурирования опыта, осознанно или неосознанно осуществляемого нами с помощью метафор» [14, с. 186].

Следуя такому пониманию, коллективную идентичность следует отнести к разряду *онтологических метафор,* то есть «способов восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т. п. как материальных сущностей и веществ» [14, с. 49]. Но если национальная идентичность и метафора, то нация – это реальность, обнаруживаемое в эмпирической действительности единство множества индивидов, способных в определённых ситуациях действовать в соответствии с тождественными или достаточно близкими представлениями о самих себе и окружающем мире.

Поэтому принципиально важно понять тот конкретный смысл используемой метафоры, который способен придать использующим её индивидам осознание и чувство нации как социокультурной целостности. Обращение же к поиску собственной идентичности через противопоставление, возникающее в «зеркале» чужой идентичности, чревато познавательными препятствиями, способными ещё более «метафоризировать» реальность.

Но именно таким путём и идут авторы рассматриваемой нами концепции, объявляя формирование европейской идентичности результатом создания альтернативного образа обобщённого «Другого» – «Востока», конкретизируемого И. Нойманном в исторической Турции и России, Л. Вульфом – в исторической Восточной Европе, представленной Польшей и той же Россией, Э. Саидом – в исламском (арабском) мире.

Своего рода summa summarum проделанного этими авторами пути концептуализации формирования европейской идентичности может служить утверждение И. Нойманна, что со времени Просвещения «Восток» превратился для европейского сознания в «обобщенный социальный маркер», он «является «Другим» Европы, и это понятие постоянно используется для репрезентаций европейских идентичностей … «отсутствие восточности» является определяющей чертой «европейских» идентичностей» [18, с. 267].

Более того, эту свою позицию автор склонен проецировать и на современность, обращаясь, в частности, к определению маркеров идентичности за пределами «Европы» – на примерах «создания наций» в СССР и «формирование нации» в Башкирии – нынешнем Башкортостане.

В последнем случае нельзя, конечно, не указать на некоторую авторскую некорректность в работе с весьма ограниченным числом источников, по которым он пытается выстроить достаточно умозрительную схему формирования башкирской нации, но не менее важно указать на яркое проявление в данном случае общей проблематичности конструирования идентичности через дихотомию «Мы»/«Другие».

Дело в том, что и для норвежского учёного, и для Л. Вульфа, и даже для Э. Саида в качестве источников, позволяющих определить идентификационные признаки нации, выступают не реальные, установленные с достаточной степенью валидности исторические события, по поведению народов и наций в которых можно судить о том, какими общими ценностями или убеждениями они руководствовались. Источниками являлись преимущественно письменные тексты, принадлежавшие самим европейцам, побывавшим среди «Других» или каким-либо иным образом (как Вольтер и Ж.-Ж. Руссо у Л. Вульфа) получившим набор сведений об этих «Других».

Именно подобные источники, утверждают И. Нойманн и Л. Вульф, сформировали европейскую идентичность посредством противопоставление признаков «восточности» альтернативным по отношению к ним признакам «западности». Не случайно, что критик подобного понимания «Востока» и «восточности» Э. Саид расценил такую альтернативность (за которой, вообще говоря, просматривается реанимирование старого противопоставления цивилизации варварству) как проявление желания «не только описать этот регион, но также стремления доминировать там и каким-то образом защититься от него» [19, с. 512].

Следует признать, что в рассматриваемых работах делаются оговорки относительно неполной достоверности извлекаемых из чужих текстов общих суждений и конкретных фактов. Но это не отменяет первостепенной важности для создаваемых концептуальных видений идентичности именно повествовательных источников, в современной науке характеризуемых термином «нарративы».

Автор любого нарратива «по определению» субъективен и поэтому, чтобы понять

не только то, что сказал автор, не менее важно понять, почему он это сказал именно так, и какую цель (вольно или невольно) он преследовал. Нарративы, использованные И. Нойманном, Л. Вульфом и другими исследователями, принадлежат по преимуществу XVIII–XIX вв. и, как правило, тем авторам, которые своими описаниями Востока претендовали на исторические обобщения. Это позволяет применить к их критической оценке подход, разработанный современным голландским философом Ф. Анкерсмитом для исследования природы нарратива [1].

Будучи повествованиями об уже состоявшемся и в этом смысле неизменном прошлом, указывал он, исторические нарративы становятся для наций источником идентификации, происходящей «здесь и сейчас». Поэтому принципиально важно понять, как эти нарративы на самом деле «соотносятся с миром и каким критериям должны отвечать, чтобы быть истинными сообщениями о том, о чем они сообщают» [1, с. 7–8].

Хотя отдельные предложения в тексте нарратива, полагал Ф. Анкерсмит, могут быть верифицированы на достоверность сообщаемых в них исторических фактов, то этого же нельзя будет утверждать относительно всего текста в целом. Последний будет передавать читателю некоторое общее представление, образ прошлого события, о котором идёт повествование, являющееся продуктом авторской рефлексии (и подсознания). Поэтому автор не описывает, как может предполагать читатель, данное событие, не реконструирует его, а *конструирует свою собственную репрезентацию* этого события в современность. «Отношение между историческим повествованием и (прошлой) реальностью, между нарративной репрезентацией и тем, что она репрезентирует, – подчёркивает Ф. Анкерсмит, – является метафорическим и должно анализироваться соответствующим образом» [1, с. 11].

Таким образом, прошлое не воспроизводится в историческом нарративе так, как оно было, а репрезентируется так, как оно должно было бы происходить с точки зрения автора нарратива: это «указание, как следует представлять себе историческую реальность», в результате «два обычно раздельных способа употребления языка – описание и индивидуализация – сливаются в один внутри нарратива» [1, с. 293–295].

Но такая же двойственность присуща, подчеркивает голландский философ, и метафорическим высказываниям: «В логическом плане и исторические нарративы, и метафора включают в себя только две операции: 1) описание и 2) индивидуализацию (метафорической) точки зрения. Исторический нарратив – это подкрепленная метафора» [1, с. 78]. Значит, каждый нарратив и является метафорой, цель которой создать некий образ конкретного события, сообщающий в действительности не о самом событии, а о том, что хотел в нём увидеть автор нарратива [1, с. 349–350].

Как нам представляется, обоснование метафорической природы нарратива, осуществлённое Ф. Анкерсмитом, даёт возможность, вернувшись к работам И. Нойманна, Л. Вульфа и других авторов, оперирующих при исследовании коллективной идентичности противопоставлением «Мы»/«Другие» и основывающихся на использовании нарративов, утверждать, что *сконструированная* таким образом коллективная (национальная, цивилизационная) идентичность оказывается своего рода *«метафорой в квадрате»*. Каждый из нарративов представляет тот образ, которое хотел репрезентовать его автор, поэтому совокупность нарративов, даже если совпадают содержащиеся в них описания и суждения, будет совокупностью, воспроизводящей не реальность, а представления об этой реальности, у каждого из которых была собственная индивидуальная мотивация.

В итоге полученная таким образом метафора коллективной идентичности может иметь некоторое отношение к социальной реальности, но вряд ли будет хотя бы её достоверным описанием. Поэтому и полученные таким способом идентификации признаки нации или цивилизации при попытке в практической политике на них опираться совсем не обязательно приведут к тому результату, который ожидается.

Сказанное не означает объявления коллективной идентичности фантомом, не заслуживающим научного внимания. Напротив, оно свидетельствует о необходимости поиска иных, более достоверных способов придать метафоре коллективной идентичности способность быть эффективным инструментом воздействия на социальную действительность.

Дело не только в необходимости исследования нарративов средствами нарратологии [22] или привлечения достижений

современной герменевтики [21]. На наш взгляд, наиболее действенный научный путь – это поверка метафоры коллективной идентичности реальностью коллективного действия, то есть обнаружение в коллективных (национальных, цивилизационных) действиях людей и обществ прошлого и настоящего естественным образом, в ходе генезиса обществ сформировавшегося единства веры, ценностей, убеждений и установок.

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.

2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

4. Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. 528 с.

5. Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2011. Том V. Человек в изменяющемся мире: Проблемы идентичности. М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2011. 424 с.

6. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.

7. Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.

8. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. М.: Издательство ИС РАН, 2006. 327 с.

9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990. 575 с.

10. Ершов Ю.Г. Мифы в идеологии и в политике // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 48–53.

11. Зырянов С.Г., Зырянова В.М. Особенности электоральной культуры современной российской молодежи // Социум и власть. 2016. № 2. С. 65–74.

12. Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. 286 с.

13. Истамгалин Р.С., Исеев Д.Р., Исеева Э.Р., Философская обоснованность использования дихотомии «Я/Другой» в современных исследованиях коллективной идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 10. С. 148–158.

14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

15. Лапкин В.В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. 2008. № 3. С. 50–58.

16. Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 2. С. 78–79.

17. Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: РОССПЭН, 2009. 190 с.

18. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

19. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: «Русский Міръ», 2006. 638 с.

20. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. 2010. № 3. С. 40–59.

21. Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы: Коллоквиум, 2011. 430 с.

22. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

23. Globalization and Belonging. The Politics of Identity in a Changing World / Ed. by S. L. Croucher. Lanham, MD: Rowman and Littlefield Publishers, 2004. IX, 229 p.

24. Globalization and National Identities. Crisis or Opportunity? | Eds. by P. Kennedy, C. J. Danks. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. 256 p.

25. Identity and Global Politics. Empirical and Theoretical Elaborations / Eds. by P.M. Goff, K.C. Dunn. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 168 p.

26. Niezen R. A World Beyond Difference. Cultural Identity in the Age of Globalization. Oxford: Blackwell Publ., 2004. 225 p.

27. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. The Discursive Construction of National Identity. 2nd edition. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 276 p.

References

1. Ankersmit F. (2003) Narrative logic. A semantic analysis of the historian's language. Moscow, Ideya-Press, 360 p. [in Rus].

2. Assmann J. (2004) Das kulturelle Gedдchtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identitдt in frьhen Hochkulturen. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury, 368 p. [in Rus].

3. Berger P., Luckmann T. (1995) The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. Moscow, «Medium», 323 p. [in Rus].

4. Voprosy socialnoi teorii: Nauchnyi almanah (2010). Tom IV. Chelovek v poiskah identichnosti. Moscow, Assosiatsya «Mezhdisciplinarnoye obscthestvo socialnoi teorii», 528 p. [in Rus].

5. Voprosy socialnoi teorii: Nauchnyi almanah (2011). Tom V. Chelovek v izmenyauscthemsya mire: Problemy identichnosti. Moscow, Izdatelstvo Nezavisimogo instituta grazhdanskogo obscthestva, 424 p. [in Rus].

6. Wollf L. (2003) Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Moscow: Novoye literaturnoye obosrenie, 560 p. [in Rus].

7. Gadzhiev K.S. (2011) *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 3–16 [in Rus].

8. Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoyi Rossii (2006). Otv. red. V.S. Magun. Moscow, Izdatelstvo IS RAN, 327 p. [in Rus].

9. Durkheim E. (1990) O razdelenie obscthestvennogo truda. Metod sociologii. Moscow: Nauka, 575 p. [in Rus].

10. Ershov Yu.G. (2015) *Socium i vlast*, no. 5 (55), pp. 48–53 [in Rus].
11. Zyryanov S.G., Zyryanova V.M. (2016) *Socium i vlast*, no. 2, pp. 65–74 [in Rus].
12. Identichnost kak predmet politicheskogo analisa (2011). Moscow, IMEMO RAN, 286 p. [in Rus].
13. Islamgaliev R.S., Isaev D.R., Isaeva E.R. (2016) *Social-humanitarian knowledge*, no. 10, pp. 148–158 [in Rus].
14. Lakoff J., Jonhson M. (2004) Metaphors We Live By. Moscow, Editorial URSS, 256 p. [in Rus].
15. Lapkin V.V. (2008) *Polis*, no. 3, pp. 50–58 [in Rus].
16. Malahov V.S. Identichnost [Identity] // Novaya filosofskaya entsiklopedia: v 4 t. Moscow: Mysl, 2010. T. 2. P. 78–79 [in Rus].
17. Malinova O.Yu. (2009) Rossia i «Zapad» v XX veke: Transformatsiya diskursa o kollektivnoy identichnosti. Moscow, ROSSPEN, 190 p. [in Rus].
18. Neumann I. (2004) Uses of the Other. «The East» in European Identity Formation. Moscow, Novoye izdatelstvo, 336 p. [in Rus].
19. Said E.W. (2006) Orientalism. Western conceptions of the Orient. Saint-Peterburg, «Russkyi Mir», 638 p. [in Rus].
20. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V. I. (2010) Polis, no. 3, pp. 40–59 [in Rus].
21. Thiselton A. (2011) Hermeneutics. Cherkassy: Kollokvium, 430 p. [in Rus].
22. Schmid W. (2003) Narratologia. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury, 312 p. [in Rus].
23. Globalization and Belonging. The Politics of Identity in a Changing World (2004). Ed. by S.L. Croucher. Lanham, MD: Rowman and Littlefield Publishers, IX, 229 p. [in Eng].
24. Globalization and National Identities. Crisis or Opportunity? (2001) Eds. by P. Kennedy, C.J. Danks. Houndmills, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 256 p. [in Eng].
25. Identity and Global Politics. Empirical and Theoretical Elaborations (2004). Eds. by P. M. Goff, K. C. Dunn. Houndmills, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 168 p. [in Eng].
26. Niezen R. (2004) A World Beyond Difference. Cultural Identity in the Age of Globalization. Oxford, Blackwell Publ., 225 p. [in Eng].
27. Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. (2009) The Discursive Construction of National Identity. 2nd edition. Edinburgh, Edinburgh University Press, 276 p. [in Eng].

UDC 130.2:316.454.3

COLLECTIVE IDENTITY AS A METAPHOR: PHILOSOPHIC DISCOURSE

Istamgalin Ramil Safievich,
Ufa State Petroleum Technological University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy,
Ufa, Russia.
E-mail: Filosofiya80@mail.ru

Iseev Damir Ruslanovich,
Ufa State Petroleum Technological University,
Associate Professor of the Department Chair of Philosophy,
Cand.Sc. (Law),
Ufa, Russia.
E-mail: Filosofiya80@mail.ru

Annotation
The problem of collective identity on national and civilizational levels actualized by cultural consequences of globalization in a number of works by foreign authors (L. Wolf, I. Neumann, E. Said) was considered from the viewpoint of the share which opposition "West"/ "East" had in forming European identity. In the article which is based on philosophic interpreting collective identity as a metaphor the authors show gnoseological limits of the approach using the given opposition and basing on a limited number of narrative sources. Applying methods of narrative logics by F. Ankersmit which allow to consider narratives themselves as metaphors, the authors of the article give reasons for philosophic position as for ways of studying any form of collective identity is concerned. It consists in admitting in such researches the priority of studying a real social activity in the process of which subjects of identity (individuals) show their real beliefs, values, principles uniting them into a single social whole only metaphorically presented in the form of a national, civilizational and other collective identity.

Key concepts:
identity,
«Other»,
«West»,
"East",
metaphor,
narrative,
activity.